

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ЭПОХУ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ответственный редактор
Б. Н. Флоря

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

ББК 63.3(49)=Сл
О 28

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-01-16114

Исследование выполнено
в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте»

О 28 Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. Б. Н. Флоря. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 320 с.: ил.

ISBN 978-9551-0300-6

Исследования последних десятилетий позволили выявить характерные черты особого пути формирования государственности и классового общества у славянских народов в эпоху раннего средневековья, когда социальную элиту общества и одновременно государственный аппарат составляла военная корпорация — дружина. Авторы книги показывают, каким образом в текстах средневековых авторов отражался и осмыслялся этот своеобразный общественный строй. В книге выявляются и анализируются содержащиеся в литературных текстах представления о древнейшей истории славян, зарождении первых славянских государств и их властных структур, реальных отношениях и идеальной модели отношений правителя, социальной элиты и подданных. Специально внимание уделено исследованию памятников скандинавской общественной мысли в сопоставлении со славянскими.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использовано изображение правителя на барельефе XI в.
из баптистерия Сплита (Хорватия)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0300-6

© Авторы, 2009

© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
<i>С. А. Иванов.</i> Болгарская общественная мысль эпохи раннего средневековья.....	9
<i>Б. Н. Флоря, А. А. Турилов.</i> Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья	31
<i>В. Я. Петрухин.</i> Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях: аспекты сравнительно-исторического анализа	81
<i>О. А. Акимова.</i> Развитие общественной мысли в раннесредневековых государствах на западе Балкан	151
<i>Б. Н. Флоря.</i> Польская общественная мысль раннего средневековья.....	220
<i>А. М. Кузнецова.</i> Общественная мысль Чехии эпохи раннего средневековья	265
Заключение	293
Список сокращений	305
Указатель имен	307

ВВЕДЕНИЕ

Выбор для исследования такой темы, как «Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья», требует специального обоснования. Ведь общественная мысль славянских народов в эту эпоху постоянно привлекала к себе внимание исследователей, и те немногие тексты, которые содержат материал на эту тему, также неоднократно изучались.

Причины нового обращения к теме связаны с тем, что в последние десятилетия очень изменились представления о характере славянского общества в эпоху раннего средневековья. Если ранее это общество рассматривалось как феодальное, находящееся в процессе формирования, когда уже складывались классы феодалов-землевладельцев и зависимых крестьян, то в настоящее время в науке утвердилось представление, гораздо более соответствующее всей совокупности известных фактов об обществе раннего средневековья как обществе, в котором такие процессы только начинались и занимали скромное место. Главная господствующая социальная группа такого общества — дружина — объединяла в своих рядах не феодалов-землевладельцев, а воинов, не имевших земельных владений и подданных, и все необходимое для жизни получала от правителя. Правитель, глава государства был в этом обществе не только центральной, но и главной фигурой, так как в его руках находилось распределение производившихся обществом материальных ресурсов. Но этим его роль не исчерпывалась. Власть осуществляла не только распределение этих ресурсов, но и организовывала производство многих из них. В рамках этой модели существовало тесное переплетение интересов правителя и дружины: чем сильнее была власть правителя, чем больше средств было в его распоряжении, тем лучше были условия существования дружины.

Этими чертами организация власти и общества в эпоху раннего средневековья принципиально отличалась от организации власти и

общества в эпоху развитого средневековья — эпоху распространения и утверждения в славянском мире отношений, характерных для феодального общества¹.

Утверждение новых представлений об общественном строе славянских народов в эпоху раннего средневековья привело и к отказу от традиционных представлений о причинах феодальной раздробленности, причинах политического распада первых славянских государств. Если ранее в этом видели последствия быстрого развития крупного феодального землевладения, то в настоящее время политический распад связывают со стремлениями политической элиты отдельных регионов самой распоряжаться накопленными на территории этих регионов ресурсами.

Естественно, что в этой новой историографической ситуации научные работы, авторы которых искали в славянской общественной мысли раннего средневековья отражение и осмысление отношений, характерных для феодального общества, не могут быть признаны удовлетворительными.

Перемены во взглядах на характер первых славянских государств и славянского общества раннего средневековья сделали актуальной задачу выяснить, как отражались особенности, характерные черты общественного строя славянских народов этой эпохи в общественной мысли того времени, какое осмысление получал в памятниках общественной мысли сам этот своеобразный общественный строй, как воспринимался обществом переход к порядкам феодальной раздробленности.

Ответу на эти вопросы и посвящена данная работа.

¹ Наряду с исследованиями зарубежных ученых, прежде всего Д. Тржештика и К. Модзелевского, представления о характере общественного строя славянских народов в эпоху раннего средневековья получили отражение в таких работах, как: Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985; Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.

БОЛГАРСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С. А. Иванов

Прежде всего следует оговориться, что «общественная мысль» — это никак не общественная практика, не ткань жизни социума, но рефлексия над ней. К сожалению, в отношении Болгарии у исследователей нет сколько-нибудь крупных памятников, в которых подобная рефлексия составляла бы основное содержание. Во-вторых, мощное влияние соседней Византии и обилие переводных текстов затрудняют вычленение самостоятельного болгарского компонента. Представляется открытым вопрос о том, до какой степени нюансы болгарских переводов греческих текстов могут прочитываться как результат самостоятельного переосмысления болгарами византийских образцов. Приведем всего два примера из Супрасльского сборника: там, где в оригинале стоит *καλλινίκους βασιλεῖς* ‘прекраснопобедные цари’, — переводчик написал «добрыя наша цари»¹. Может ли это восприниматься как намек на то, что в окружении Симеона победоносность правителя не воспринималась как особая доблесть (ср. ниже о титуле *миротворец*)? А тот факт, что греческое *σύγκλητος* ‘синклит’ передается как *боляре*², — следует ли воспринимать в качестве доказательства схожести функций? Мы пока не будем привлекать данные переводов, поскольку они допускают слишком вольную интерпретацию. Но при этом придется довольствоваться скудными, подчас косвенными сведениями.

¹ Супрасльски или Ретков сборник. Т. 1. София, 1982. С. 148.

² Там же. С. 216. Широкое использование целиком переводного «Златоструя» (А. Николов. Политическа мисъл в ранносредновековна България (средата на IX — края на X в.). София, 2006. С. 171–185) или переводных фрагментов «Шестоднева» (Ц. Чолова. Върховната власт и управление в средновековната българска държава по времето на Симеон, отразени в «Шестоднева» на Йоан Екзарх // Изв. на Ин-та за история. Т. 28. 1985. С. 216–236) для реконструкции болгарских представлений о чем бы то ни было кажется не вполне корректным.

1.

Болгарское государство — самое раннее из новых государств, возникших в средние века в Центральной и Восточной Европе. Довольно необычен был и его генезис. После того, как в VII в. территория между Дунаем и Гемом (хребтом Стара Планина) оказалась в результате «варварских» набегов потеряна для Византийской империи, там осели разрозненные славянские племена, представлявшие собой протогосударственные образования³. В конце VII в. эта же территория была завоевана пришедшей из Северного Причерноморья кочевой ордой протоболгар. Численно значительно уступая славянам, протоболгары тем не менее подчинили их себе, поскольку имели, как все кочевники, четкую военизированную политическую организацию. Тем самым, первоначально Болгарское государство существовало как двуединый организм, с тюркской политической верхушкой, постепенно отходившей от кочевых традиций, и славянским земледельческим субстратом. Каждый из этнических компонентов этого организма первоначально поклонялся своим богам и говорил на своем языке.

Самым ранним памятником древнеболгарской политической мысли является так называемый «Именник болгарских ханов»⁴, дошедший до нас по-славянски, но с огромным количеством тюркских слов. Решая, какой именно период государственного самосознания протоболгар отражен в этом памятнике, следует сразу сказать, с которой из точек зрения на его генезис мы солидаризуемся. Нам представляется невероятной гипотеза В. Бешевлиева о том, что памятник был создан на рубеже IX–X вв., в эпоху Симеона (хотя вполне вероятно, что именно в эту эпоху его перевели на славянский язык)⁵. Мы считаем также, что невозможно солидаризоваться с концепцией, наиболее последовательно отстаивавшейся И. Дуйчевым, будто памятник был сразу создан

³ О характере этих образований см. работы Г. Г. Литаврина: Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // *Г. Г. Литаврин. Византия и славяне*. СПб., 1999. С. 518–526; Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) // Там же. С. 527–538; Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI–VII вв. // Там же. С. 539–547.

⁴ Литературу о нем см.: Кирило-Методиевска Енциклопедия. Т. 2. София, 1995. С. 113–114.

⁵ В последнее время эта гипотеза была заново выдвинута в работе: *А. Николов. Указ. соч.* С. 163–165.

как единое произведение⁶. На наш взгляд, текст очевидным образом распадается на две половины: одна из них *к о н ч а е т с я* Аспарухом, другая им же *н а ч и н а е т с я*. Текстовой «шов» недвусмысленно указывает на разнохарактерность двух частей.

Вполне вероятно, что изначально текст был написан, скажем, на двух соседних колоннах, на одной раньше, на другой позже, — и впоследствии скопирован с камня на пергамен. Итак, примем, что первая часть «Именника» кончается правлением Аспаруха: «И потом приде на страну Дуная Исперих князь тожде и доселе»⁷. Несомненно, оригинал был написан тюркскими рунами, а уж потом переведен на славянский; чаще всего допускают посредство греческого, однако следует заметить, что влияние греческого языка в памятнике никак не ощущается.

Если вышеизложенная гипотеза верна, тогда окажется, что первая половина Именника была записана в самом конце VII в. **Что же касается** второй половины, то она может быть уверенно атрибутирована периоду после хана Умора, который упоминается в тексте последним, и следовательно, отнесена к времени около 766 г.

В чем состояла цель создания Именника? В болгарской исследовательской литературе общепринятым является мнение, будто этот памятник был создан в качестве противовеса византийской анналистической традиции⁸, в которой, мол, болгарам не находилось должного места. Эта теория представляется **а б с о л ю т н о** ошибочной. Она исходит из того, что 1) такая традиция в Византии была; 2) мнение греков о болгарях было важно самим болгарам.

Между тем, в действительности о летописании в Империи в «темные века» (до Феофана, окончившего свою «Хронографию» в начале IX в.) нам ничего не известно. Что же касается хроники Малалы или «Пасхальной хроники», то эти произведения не строились по анналистическому принципу. Кстати, и позднее анналы не получили в Византии того развития, которое они имели на Западе и на Руси. Но еще

⁶ Ср.: *Ив. Дуйчев*. «Именникът на първобългарските ханове» и българската държавна традиция // *Векове*. Кн. 1. 1973. С. 8.

⁷ *Ив. Богданов*. Именник на българските ханове / Изд. ОФ. София, 1981. С. 12 (далее — Именник).

⁸ Ср.: *Е. Георгиев*. Прабългарското летописание // *Изследвания в чест на Марин С. Дринов*. София, 1960. С. 372; *Ив. Снегаров*. Обществената мисъл в Първата българска държава (680–1018) // *Славянска филология*. Т. 5 (1963). С. 140; и др.

важнее тот несомненный факт, что Византия в Именнике (в отличие от болгарской «Апокрифической летописи», о которой пойдет разговор ниже) никак не присутствует!

Различные, происходящие из разных культурных и языковых сред источники более или менее единогласно сообщают нам некоторые сведения о «Великой Булгарии» и ее распаде. Многочисленные исследовательские усилия были затрачены на то, чтобы «положить на карту» неясные, подчас противоречащие друг другу известия Захарии Ритора, Анании Ширакаци, Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Павла Диякона, Льва Диякона. Мы сейчас взглянем на этот нарратив не как на источник сведений об исторической реальности, а как на отражение собственного болгарского мифа. Те «местные» термины, которыми сопровождается, допустим, Феофан свой рассказ о протоболгарах, доказывают, что его информантами (или информантами его источника) были не какие-то имперские послы или шпионы (или по крайней мере не только они), а сами болгары, пересказывавшие собственные предания.

В изложении византийских источников болгарская генеалогическая легенда выглядит так: у хана древней Великой Булгарии было пять сыновей, отец перед смертью велел им жить вместе и не расставаться, но они не выполнили его завета и расселились по миру. Понятно, что перед нами — сказочный стереотип; «братья», о которых рассказывает Феофан, суть эпонимы племенных организмов. И в этом мифе Аспарух оказывается лишь третьим по старшинству сыном Кубрата⁹. Между тем, в Именнике никаких других «братьев» не упомянуто — у «Курта», как поименован Кубрат, есть еще только один преемник, Безмер, и после него сразу — Аспарух. Итак, если для каких-то групп протоболгар память о других коленах была актуальна, то составитель Именника отказывается от этой традиции. Для него важнее иная, мифологическая система родства: именно на нее намекает составитель, когда говорит, что предшественники Аспаруха «дръжаше княжение обону страну Дуная лет 500 и 15 остриженями главами»¹⁰. Бритье головы, согласно Приску и Прокопию, являлось гуннским обычаем, тогда как авары, тюрки, хазары отпускали длинные волосы¹¹. Надо ли понимать слова автора как намек на то, что остальные

⁹ И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36–37.

¹⁰ Именник. С. 12.

¹¹ В. Бешевлиев. Първобългарите: Бит и култура. София, 1981. С. 100.

колена потомков Кубрата изменили отеческим обычаям и переняли моду завоевателей? Это логично вписывалось бы в гипотезу о том, что целью Именника было доказать Аспарухово «первородство». Но тогда следовало бы предположить, что Аспарухово колено сохранило обычай предков брить голову. Однако, если эта манера и сохранялась у дунайских болгар, то ненадолго. Вскоре мы начинаем встречать упоминания о длинных волосах у болгар. Тут могло сказаться и влияние других кочевников, и византийское влияние — «остриженная голова» в Византии была символом унижения. В таком случае перед нами лишнее свидетельство в пользу гипотезы о двусоставности Именника: если при написании первой части «стриженная голова» еще была символом власти, то при написании второй это стало уже не так. Как бы ни расшифровывать загадочный намек насчет стрижки, ясно, что он отражает какую-то полемику по поводу государственного наследия и знаков высшей власти, которая шла в протоболгарской среде.

Вторая важная «гуннская» черта Именника — возведение ханской родословной к мифическим «Авитохолу» и «Ирнику»¹², в которых исследователи единодушно узнают гуннского вождя Аттилу и его сына Эрнаха. Представляются необоснованными гипотезы о том, что возведением себя к гуннам протоболгары намекали на какие-то свои права в отношении имперских территорий. «Авитохол» Именника явно воспринимался не как гроза римлян, а как важная легенда в кочевом мире раннего средневековья. Автор памятника даже не говорит ни про Авитохолу, ни про Ирника, сколько именно лет каждый из них правил, — и это единственные два таких персонажа Именника; мы лишь узнаем, сколько каждый из них «жил»: первый 300, а второй — 150 лет. Эти два персонажа не являются болгарскими ханами сами по себе — они лишь дают легендарную санкцию болгарской государственности. И все же отметим, что оба этих персонажа, при всей их обобщенности, отнесены составителем Именника к «роду Дуло»: то есть родовая принадлежность в среде протоболгар воспринималась как нечто более глубокое, чем государственность. Заметим, что так же обстояло дело и у других кочевых средневековых обществ.

Только третий персонаж Именника, «Гостун» (несмотря на свое загадочное, то ли славянское, то ли иранское имя) есть, видимо, лицо историческое, причем довольно второстепенное: он является не ханом, а наместником (скорее всего, при малолетнем «Курте»), а сам

¹² Именник. С. 11.

при этом из другого рода — Эрми¹³. «Персонализованная» история начинается в Именнике, в сущности, весьма буднично, за каких-нибудь три поколения до Аспаруха, то есть вполне в рамках возможностей реальной исторической памяти. Все дальнейшие указываемые в Именнике сроки правления — совершенно реальные, содержание каждой «статьи» вполне стандартно, и единственное, что нарушает жесткую стереотипность, — это дополнительные краткие сведения о перемене находящегося у власти рода («статьи» о Кормисоше и Телеце). Это еще раз заставляет вспомнить, что родовой принцип был для протоболгар ничуть не менее важен, чем государственность сама по себе. Именник явно составлялся для родовой знати, продолжавшей мыслить клановыми категориями.

2.

Монументальная эпитафия всегда есть голос власти. Тем более существенно, что в разных культурах этот голос звучит так по-разному. Еще В. Бешевлиев обратил внимание на то, что надписи, оставленные протоболгарскими правителями, хоть и написаны преимущественно по-гречески, не похожи, однако, на византийские¹⁴. Это становится еще более наглядно теперь, когда подведены некоторые итоги изучения собственно византийской эпитафики¹⁵. Как раз на период с конца VII по IX в., **когда ханами было оставлено около сотни сохранившихся памятников**, константинопольские василевсы не писали в камне почти ничего. Но даже те строительные надписи и эпитафии, которые появлялись в этот период в Империи, никоим образом не напоминают соответствующие протоболгарские (лишь с переходом болгарской эпитафики на славянский язык в X в. влияние византийского образца стало ощущаться. Кроме того, оно, понятным образом, чувствуется в надписи о крещении Бориса: Бешевлиев, № 15). **Происхождение ханских надписей от орхоно-енисейских рунических письмен также весьма сомнительно: во-первых, характер эпитафики в обоих случаях совершенно различен, а во-вторых, коммуникация через посред-**

¹³ Там же.

¹⁴ В. Бешевлиев. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 84–85. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹⁵ С. Mango. Byzantine Epigraphy (4th to 10th C.) // D. Harlfinger, G. Prato (eds). Paleografia e codicologia greca. Atti del II Colloquio internazionale (Berlino — Wolfenbüttel 17–21 ott. 1983). Vol. I. Alessandria, 1991. P. 235–249.

ство каменных глыб требует как минимум оседлости, и подобные традиции вряд ли могли кочевать на тысячи километров вместе с кочевой ордой. Тем самым, в Болгарии мы имеем дело с абсолютно оригинальным культурным феноменом.

Публичная надпись, в отличие от книги, предназначалась всем: грамотные воспринимали в ней текст, неграмотные получали общее впечатление о государственном величии. Но как эти две целевые группы соотносились количественно в древней Болгарии? Можно ли применительно к ней говорить о грамотных как о существенном слое населения? Скорее всего, нет. Кроме того, надписи в большинстве своем делались на иностранном, греческом языке, и предположение Бешевлиева, будто греческий был общепонятен как для протоболгар, так и для славян, кажется излишне оптимистичным. Вряд ли этот язык был доступен даже тем представителям кочевой знати, имена которых фигурируют в самих надписях, — характерно, что деловые надписи выполнены на местном языке, хотя и греческими буквами (№№ 48–54). Кроме того, памятники иногда располагались так, что их и грамотному человеку было трудно разобрать. К примеру, «Мадарский всадник» — это рельеф, высеченный на высоте 23 метров. Надпись, даже если бы она не была выполнена по-гречески, прочесть снизу вряд ли представлялось возможным, а значит, перед нами идеографический памятник: на нем изображен хан, скачущий верхом, со сворой собак. Это — единственный случай «монументальной пропаганды» в древней Болгарии, да и он географически расположен так, что вряд ли его могло видеть особенно много народа. Крайне трудно вообразить, кому могла адресоваться надпись вокруг Мадарского всадника, где хан Тервель называет Юстиниана Второго «носоусекновенным царем». Такое же недоумение вызывает и памятник № 2, в котором Крум ругает Никифора Первого «плешивым стариком», и № 43, где Омуртаг жалуется, что «император выступил, забыв о клятвах». Особенно поразительна в этом отношении надпись № 14, в которой Пресиан ворчливо приговаривает: «Бог видит, если кто обманывает! Бог видит! Болгары сделали христианам много добра, а христиане забыли. Но Бог видит!». Это похоже не на победную риторику, а на бормотание себе под нос.

Весьма характерно, что в надписях хан легко переходит с третьего лица на первое, как в глаголах, так и в именах / местоимениях (№ 56, 57). Кроме того, он постоянно говорит от 1-го лица: *я, мой* встречается в №№ 1, 4, 13, 47, 56, 59. В публичной эпиграфике Рима или Ранней Византии подобные шифтеры не употребляются, поскольку в пер-

спективе будущего прочтения они утрачивают смысл, и это обстоятельство лишний раз указывает, что система референции надписей не до конца отрефлектирована.

Единственный эпиграфический жанр, где греки позволяли себе первое лицо, — это эпитафия, в которой усопший как бы рассказывал про самого себя. В протоболгарской эпиграфике тоже встречается эпитафия, но она устроена наоборот: подлинный ее герой — хан, именно его имя всегда открывает текст эпитафии (№№ 59–69). Это хан рассказывает в надписи о гибели своего дружинника¹⁶, видимо, потому, что дружина набиралась специальным образом и находилась в особых отношениях лично с ханом.

В протоболгарских надписях весьма сильна географическая референтность: встречаются камни с названиями покоренных византийских городов и мест, где одерживались победы (№№ 16–38)¹⁷; надпись № 46 представляет собой государственный пограничный столб, воздвигнутый Симеоном на рубеже с Византией¹⁸. Однако изощренная система географической референции соседствует у протоболгарских правителей с ослабленным восприятием референтности социальной: в надписях ханы смотрят на себя не глазами подданных (за исключением, быть может, узкого круга приближенных), не глазами византийцев (кроме текстов мирных договоров, №№ 41–43, 46) и, до определенной степени, даже не глазами потомков, — а лишь своими собственными глазами.

Итак, фигура хана видится в свете болгарской эпиграфики несколько оторванной от его непосредственного социального окружения. Тем не менее, хан не является единственным персонажем надписей: в них упоминаются также многочисленные вельможи, носители разнообразных (главным образом древнетюркских по происхождению) титулов¹⁹, которые, в свою очередь, делятся на два разряда — высшую знать, «болиадов», и низшую — «багаинов».

¹⁶ См.: *Бешевлиев*. Първобългарите. С. 133.

¹⁷ Утверждения некоторых исследователей, будто эти надписи были похищены из самих византийских городов (*C. Asdracha, Ch. Bakirtzis. Inscriptions byzantines de Thrace (VIIIe–XVe siècles) // ArchDelt, 35, 1980. P. 264–265*), ни на чем не основаны.

¹⁸ Заметим, что ни Римская, ни Византийская империя никогда не смогли додуматься до концепции эксплицитного провозглашения государственной границы.

¹⁹ *Цв. Степанов*. Власт и авторитет в ранносредневековна България. София, 1999. С. 72–89.

Наряду с носителями тюркских титулов, в надписях встечаются те, кто назван $\theta\rho\epsilon\lambda\tau\acute{o}\iota \acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\iota$ 'близкими, вскормленными людьми' (ср. ниже замечания Космы Пресвитера). Но это сочетание хан использует исключительно в эпитафиях своим приближенным²⁰. Можно предположить, что так обозначалась личная гвардия хана, которая в других источниках фигурирует как «отборные люди» $\tau\acute{\omega}\nu \text{Βουλγάρων ἐπιλέκτων}$ ²¹ или просто как «некие немногочисленные», $\tauιν\omega\upsilon\omicron\nu \delta\acute{\lambda}\iota\gamma\omega\upsilon\omicron\nu$ ²². Наконец, фигурирует в эпиграфике и простой народ: во-первых, в №№ 41, 15 в качестве рядовых ополченцев, попавших в плен и размениваемых с византийцами «душа за душу» (в этом случае народ именуется неожиданным, но выразительным словосочетанием «бедный народ / войско» $\pi\tau\omega\chi\omicron\upsilon \lambda\alpha\omicron\upsilon$)²³. Во-вторых, в №№ 14, 57 простой народ фигурирует под именем «болгар»: так, Пресиан именуется $\tau\acute{\omega}\nu \text{πολ}\omega\upsilon\omicron\nu \text{Βουλγάρων ἐκ Θεο}\acute{\upsilon} \acute{\alpha}\rho\chi\omega\upsilon$ 'многих болгар от Бога князь', а хан Омуртаг — $\tau\omicron\upsilon\varsigma \text{πολ}\omega\upsilon\omicron\varsigma \text{Βουλγάρους ἐπέχων}$ 'повелевающий многими болгарами'. Этот титул тем более примечателен, что не имеет никаких соответствий в византийской императорской титулатуре: невероятно, чтобы василевс именовался «императором многих ромеев», ведь тогда можно было бы предположить, что имеются какие-то другие ромеи, неподвластные ему. Видимо, в титуле хана отражено исконное, еще древнетюркское представление о правителе как приумножителе подвластного населения²⁴. В одной надписи сохранилось ценнейшее указание на то, как представляет себе хан собственные обязанности перед двумя группами подданных — аристократией и народом. По случаю сооружения (по всей видимости, в Плиске) фонтана хан Маламир «часто давал болгарам есть и пить, а воиладам и багаинам давал множество подарков» (№ 58). Лишь в одной надписи, обнаруживающей, по понятной причине, максимальное византийское влияние и сообщающей о крещении Болгарии, *народ* назван $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$ (№ 15). Здесь явно представлен «внешний», греческий взгляд на болгар как целое, как объект крещения. Такой взгляд не был частью собственно болгарского мировосприятия — он пришел вместе с христианизацией.

²⁰ В. Бешевлиев. Първобългарски надписи. София, 1992. С. 75–76.

²¹ Historia de Leone Bardae Armenii filio // Leo Grammaticus, Eustathius / Ed. B. Niebuhr. Bonn, 1842. (CSHB; 44). P. 347.

²² Theophanes Continuatus. Bonn, 1842. P. 165.

²³ Кстати, это словосочетание могло быть навеяно греческим секретарям хана Септуагинтой, ср. 2 Цар 22 28; Ис 25 3.

²⁴ Ср.: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946. С. 108.

3.

В третьей четверти VIII в. болгарская политическая структура втянулась в кризис. Он был связан и с оседанием кочевников на землю, и с возрастанием роли славян в болгарском обществе. Эти процессы имели много аспектов, о которых здесь не место говорить²⁵. Отметим сейчас лишь то, что частая и насильственная, кровавая смена ханов на престоле (семеро за двадцать лет) отражала не только ослабление центральной власти, но и давнее представление аристократии о том, что хан ответствен за благополучие державы, а убийство слабого правителя может способствовать возвращению природного изобилия.

Кризис (о котором мы знаем весьма мало) привел к усилению влияния Византии во многих областях жизни Болгарии. В частности, ханы всё чаще стали оборачиваться на константинопольских василевсов в поисках образца.

Хан Тервель, от которого дошла самая ранняя болгарская печать, уже ввел в нее некоторые черты, подражающие византийским хрисовулам²⁶, но тем не менее она изображает хана еще вполне «по-хански», с тюрбаном на голове! Повторим, что первоначально ханы обосновывали свою власть вовсе не в соперничестве с Константинополем. Но чем дальше, тем сильнее ханские регалии носят подражательный характер и отражают не столько собственные болгарские представления о власти, сколько желание быть «не хуже» византийских василевсов. Исконно тюркский титул *канас юбиги* 'великий хан', зафиксированный в надписях Омуртага и Маламира, постепенно начинает уступать место заимствованному греческим: сперва $\epsilon\kappa \theta\epsilon\omicron\upsilon \acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$ 'от бога князь', засвидетельствованному применительно к Омуртагу, Маламиру, Пресиану и Симеону; а потом, при Симеоне, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma \tau\acute{\omega}\nu \text{Βουλγάρων}$ 'царь болгар'. Существует гипотеза, что после падения Аварского хаганата в начале IX в. болгарские правители присвоили себе также и титул *хаган*, запоздалым образом провозгласив свою власть прием-

²⁵ Подробно см.: Г. Г. Литаврин. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 67–74; *Его же*. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 148–162.

²⁶ См.: Г. Атанасов. За инсигниите на владетелите от Първото българско царство // Плиска-Преслав. Т. 6 (1993). С. 132.

ственной от тюркских властителей²⁷. Но даже если эта модель и использовалась в болгарской пропаганде, она не могла играть сколько-нибудь существенной роли, поскольку именно в IX в. происходит отход от большей части кочевого, тюркского наследия в «имидже» болгарской власти. Именно в это время ориентация на византийскую модель становится доминирующей²⁸. После крещения Болгарии и ее вхождения в орбиту Константинопольской церкви эта «зачарованность» греческим образцом становится навязчивой, и ее логической кульминацией стала попытка царя Симеона сделаться византийским императором. В рамках этой мечты он в конце жизни провозгласил себя «императором ромеев». Хотя греки и не могли согласиться на эту узурпацию, но самый титул *василевса* они за болгарским князем в конце концов признали²⁹. Все это обычно подталкивает исследователей к тому, чтобы приписать болгарам все те политические представления и идеологемы, которые нам известны в Византии. В самом деле, коль скоро Симеон заказал для себя перевод «зеркала» Агапита, сочинения, в котором формулируется имперская идеология эпохи Юстиниана, то можно предположить, что болгарский царь прилагал рисуемый там образ василевса к самому себе. Но при всем том, как ни затеняет яркость греческого образца болгарскую специфику, о ней постоянно нужно помнить. Ниже мы заострим внимание именно на отличиях болгар от византийцев.

Бюрократическая Византия, опиравшаяся на государственные и общественные традиции, коренным образом отличавшиеся от тех, что сложились в Болгарии, не могла служить ей образцом в некоторых важных вопросах. Например, правила престолонаследия вырабатыва-

²⁷ Цв. Степанов. Владетел, доктринерика и титулни практики в Источна Европа през VI–IX в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. 7. Велико Търново, 2000. С. 1099–211; А. Николов. Указ. соч. С. 34–35.

²⁸ Разумеется, перенимая те или иные элементы византийской титулатуры, болгарские правители наделяли их своим, подчас неожиданным смыслом. К примеру, Симеон в своих печатях именуется *εἰρηνοποιός* 'миротворец'. Это не очень вяжется с той исторической реальностью, которая нам известна, а именно, с непрерывными агрессивными войнами Симеона, но тем важнее, почему именно «миротворцем» хотел он казаться, тем более что титул этот встречается среди похвал византийским императорам всего дважды в бесчисленных славословиях, рассеянных по обряднику Константина Багрянородного. Видимо, имелось в виду не столько отсутствие войн, сколько гарантирование некоего высшего порядка.

²⁹ Подробнее см.: А. Николов. Указ. соч. С. 128–157.

лись болгарами в сопротивлении византийской модели; князья настаивали на том, что, вопреки ромейскому обыкновению, имеют право на прямое родственное наследование: «сын б въ отца место бывает, и брат в брата, якоже то и при Давыде бысть... К тому же и в персеях и в лудехь... И в българехь исправа роды бывають кънязи, сынъ въ отца место и братъ въ брата место, и въ козарехъ такожде слышимъ бывающе»³⁰. Иоанн Экзарх возвращается к этому вопросу еще раз в другом месте: «Въ многихъ странах бывають властеле по родоу и цесаре и кънязи и кралеве ... по родьному и ужичьствьному чину и в рядь»³¹. Лишь внутри правящей фамилии могли быть варианты: так, свержение Симеоном родного брата в «Сказании о железном кресте» представлено как боговдохновенный акт: «бысть благословение Божие и Михайлово на Симеоне, и прия стол, согнав брата»³².

Как ни велика была роль императора в жизни Византии, все же наличие государства как чего-то, существующего отдельно от него, не вызывало у ромеев сомнений: например, государственная казна могла растрачиваться василевсом бездумно и неподотчетно, но она все равно воспринималась именно как государственная казна. В Болгарии это различие не проводилось: при переводе греческих юридических памятников византийский термин для казны *θησούριον* всегда заменяется на *князь*³³.

Одной из форм репрезентации верховной власти, заимствованных болгарскими правителями у Византии, были вислые печати на документы. Любопытна археология обнаружения этих печатей. В данном случае нас занимает такой неожиданный аспект бытования моливдовулов, как их адресация. Если первый христианский правитель Болгарии Борис-Михаил действительно пользовался печатями по назначению, рассылая свои письма по всей державе (из 11 его печатей 9 найдены в разных местах), то из 18 печатей царя Петра 15 найдено в его столице Преславе. Что же касается долгого правления Симеона, то его можно условно разбить на два периода: если из 11 печатей, сохранившихся от раннего периода, в Преславе найдено лишь 4, то из 5 печатей

³⁰ Das Hexaemeron des Exarchen Johannes / R. Aitzetmüller (Hrsg.). Bde I–VI. Graz, 1958–1971. Bd I. S. 140a–c.

³¹ *Ibid.* Bd IV. S. 140a.

³² *Хр. Лопарев. Чудо св. Георгия о болгарине, памятник византийской переводной литературы.* СПб., 1894. С. 20.

³³ *М. Андреев, Д. Ангелов. История на българската феодална държава и право.* София, 1972. С. 101, 115.